Л. Ю. Петрянина

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Работа представлена кафедрой истории и права
Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.
Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор Л. Ю. Федосеева

Данная статья, написанная на основе обширного архивного материала и сведений периодической печати периода НЭПа, вносит вклад в изучение отношения средневолжского крестьянства к советской власти и ее представителям на местах.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, крестьянство, советская власть.*

L. Petryanina

ATTITUDE OF THE MIDDLE VOLGA PEASANTRY TO THE SOVIET AUTHORITY DURING THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

Based on the extensive archival materials and data of the periodic press of the New Economic Policy period, the article contributes to studying the attitude of the Middle Volga peasantry to the Soviet authority and its representatives in regions.

Key words: *New Economic Policy, peasantry, Soviet authority.*

Новая экономическая политика – исторический период, в который претворялись в жизнь основные начала политики советской власти в условиях мирного времени. Это было время, когда граждане «присматривались» к новой власти, оценивали ее политику.

Крестьянство являлось социальной силой, с которой действующая власть не могла не считаться в силу его многочисленности. Поэтому отношения государства и крестьянства были ключевой проблемой НЭПа.

Сводки ОГПУ о политических настроениях крестьянства свидетельствовали о сравнении крестьянами своего положения «прежде» и «теперь», которое было не в пользу советской власти. [3, л. 3]

Негативная реакция средневолжского крестьянского населения на политику власти усугублялась общими социально-экономическими условиями: периодическими неурожаями, эпидемиями, недостатком семян, низким уровнем жизни. В начале 1921 г. политическое настроение Симбирской губернии характеризовалось как «…возбужденное, грозящее вылиться в голодное восстание» [26, л. 8]. В Самарской губернии в этот период происходили «продовольственные» бунты. В одном из них (Канаевский район Пугачевского уезда) приняли участие 3000 крестьян, выразивших намерения осуществить масштабное выступление против пролетарского государства [4, л. 9, л. 6].

О настроениях крестьян говорят и слухи о скором падении советской власти, которыми изобиловали губернии Среднего Поволжья. В одном из многочисленных крестьянских писем, отрывки которого приведены в сводке цензурного отделения самарской губчека, читаем: «…вся Самарская губерния против этой власти и ожидают перемены. У крестьян весь хлеб забрали, мельницы закрыты. Положение безвыходное. Есть слух, что Ленин и Троцкий рассорились, и ожидают перемены» (7 февраля 1921 г.) [20, л. 6]. Лозунги «Бей коммунистов!» привлекали крестьян в банды Попова-Вакулина, Девяткина, Сарафанкина в Самарской губернии [7].

Советская власть стремилась ограничить поступление в печать сведений о самоубийствах и помешательствах на почве безработицы и голода, о чем говорится в циркуляре Главлита. Показательно циркулярное письмо Симбирского губернского комитета за 1921 г. В нем рекомендовалось заверять крестьян в неосведомленности вышестоящих органов о голоде, осуществлять направление крестьянских делегаций в Москву [17, л. 75].

Политика новой власти часто шла в разрез с представлениями крестьян о справедливости, разумности, их интересами и потребностями в спокойной, мирной, а, главное, сытой жизни. Крестьяне не чувствовали защиты со стороны государства. Революция, не принесшая улучшения, была непонятна сельчанам.

З. И. Файнбург так охарактеризовал политическое сознание населения периода НЭПа: переплетение «поверхностно усвоенных некоторых немногих идей научного социализма, значительных элементов утопического социализма (их усвоение более доступно, более естественно для обычного сознания), добуржуазной крестьянской и мелкобуржуазной идеологии, религиозного понимания характера социальных процессов и отношений в обществе» [25, с. 28–29].

В докладе одного из помощников самарского губернского прокурора отмечалось: «Нельзя говорить об авторитете низового

аппарата, когда до 1923 г. наблюдался полный произвол, полнейшее игнорирование законных прав граждан со стороны председателей и работников волисполкомов и сельсоветов» [5, л. 27].

Однако и в последующие годы ситуация мало изменилась. Причина этого – низкий качественный состав местных партийцев и слабый контроль за их деятельностью со стороны центральной власти. Так, в первой половине 1925 г. самарской губернской прокуратурой было получено 4500 заявлений от населения, из которых 65% составляли жалобы крестьян на злоупотребления местной власти [16, с. 24].

Для средневолжского крестьянства было характерно недовольство представителями советского государства на местах в сочетании с верой в справедливость власти центра, – трансформировавшийся «наивный монархизм»: «Ленин не так делает, не такие издает законы, это на местах – уезды или губерния» [1, л. 54]. По просьбе крестьян Симбирской губернии в 1926 г. в поселок Тухловский был направлен «работник из уезда», для разъяснения сельчанам различных экономических, политических и социальных вопросов [27, л. 4].

Многие из деревенских коммунистов, призванные доносить до жителей идеи социализма, отвечать на их вопросы, разъяснять политические и экономические задачи государства и пути их решения, недалеко ушли от рядового обывателя. Нередки были случаи пьянства советских и партийных руководителей на рабочем месте, об этом свидетельствует многочисленная крестьянская корреспонденция в газеты [14]: «На собрании участвовали пьяные граждане, которые во время выступления даже сбиваются со своего доклада и сам председатель данного собрания не в трезвом виде» [15, л. 7], «…требуем переизбрать председателя сельсовета Садовникову, которая пьянствует и распутничает на глазах населения» [11].

С недоверием крестьяне относились и к работе партийцев: «Есть тут у нас один партийный, так прямо жалко на него смотреть: говорить станет – так врет, и сам не знает чего» [13, с. 116]. Отчасти этим объясняется осторожное отношение населения к местным коммунистам. На выборах посевных комитетов деревенские жители требовали: «Ни один коммунист не должен пройти в комитет» [18, л. 19]. В 1925 г. среди крестьян Красноярской волости Самарского уезда бытовали следующие мнения: «Коммунистов дело не прочно, думают улизнуть за границу, поэтому они нас тащат в советы. Их нужно попридержать в советах, а нам пойти туда только для контроля» [22, л. 117].

В результате весной 1925 г. в сельских советах Самарской губернии доля коммунистов снизилась с 10 до 4% [23, л. 24]. Крестьяне Бугурусланского уезда Самарской губернии так характеризовали политические настроения деревни: «Говорят, что многие крестьяне ждут возвращения помещиков. Это правильно: при Советской власти становится жить невозможно. Какой же это союз рабочих и крестьян, когда нами правят коммунисты» [24, л. 5].

Местные органы власти отмечали «враждебное», «недоверчивое» и «крайне натянутое отношение крестьянства» [19, л. 36]. В 1923 г. на XV партийной конференции в городе Пензе констатировалось: «Если мы говорим, что со стороны крестьян имеется хорошее к нам отношение, то мы обманываем себя и обманываем Центр» [2, л. 53]. Причины этого местные партийцы видели в следующем: «Ему (крестьянину) сказали, что налог один, а их десять… Эти налоги страшно нервируют крестьянство, и всю бедноту оттолкнули от нашей партии» [2, л. 53]. «Отношение массы к коммунистам, в особенности крестьян, пассивное ввиду отсутствия партсил, которые могли бы разъяснить крестьянину проект Советской власти и его значение в будущем, вследствие чего для них значение экономической политики остается неясным» [21, л. 2].

Политическая подготовка большинства деревенских коммунистов сводилось к «нескольким основным и элементарным лекциям, доступным широким массам, на следующие темы: «Что такое коммунизм?», «Путь к коммунизму», «Наша партия» [6, с. 25]. Очевидно, пролетарское государство рассчиты-

вало, что этого будет достаточно, остальное сделают классовое сознание и уверенность коммунистов в исторической правоте советской власти. Негативное, категоричное отношение советской власти к церкви во многом служило катализатором крестьянского недовольства.

Население реагировало на действие власти на местах и на политику Советов в целом как пассивно, так и активно. В первом случае это были разговоры, отражавшие недовольство властью. Появлялись листовки подобного характера. Предпринимали крестьяне против партийцев и советских активистов конкретные действия. За девять месяцев 1929 г. по РСФСР было совершено 1002 террористических акта, из них 141 поджог, 384 убийства [10, с. 197]. В каждом округе на случай выступлений населения содержались специальные войсковые группы из ОГПУ и полевых частей.

Многие молодые люди деревни, как и молодежь в целом, некритично восприняли все, что предлагалось советской властью. Это было связано со стремлением к новому образу жизни и недоступным ранее благам. «В магазин ходил я покупать костюм, так что у меня день сегодня праздничный», «культурно оделся, сходил в кино» [8, с. 78]. У молодых людей появились новые ценности и стремления:

«– Когда в город поедешь, возьми с собой.

– А для чего?

– Учиться хочу. На курсы поступить.

– На какие?

– Да, вот, на оратора хочу учиться.

– Как так на оратора?

– Да так, речи говорить. Разве не знаешь?» [12, с. 8].

«В последнее время я почувствовал какую-то тягу к журналам; политические события, цифровые данные (всякого рода), душепронизающие фразы, слова записывать в дневник» [9, с. 160]. Деревенская молодежь верила, что принадлежит к «отживающему классу» [8, с. 80–81]. Новая, еще неведомая жизнь манила молодежь, сулила исполнение желаний. Молодые люди верили: то, какое место они займут в обществе, зависит теперь только от их усилий, желания и умения вписаться в эту новую жизнь, познав ее законы.

Таким образом, в первые годы НЭПа сельские жители осознавали бедственное положение государства, что нашло отражение в многочисленных слухах и общем настроении крестьянства Среднего Поволжья, когда разрозненные вспышки недовольства угрожали перерасти во всеобщее выступление. В последующие годы настроения крестьян приобрели более «мирный» характер, но недовольство местной властью, сочетавшееся с верой в справедливость центра, сохранилось. Однако сказать, что сельчане считали советскую власть «своей», было бы ошибкой. Избегая конфронтации с ее представителями, крестьяне зачастую стремились замкнуться в своем «мире». Проявляя высокую социальную активность в решении хозяйственных, культурных проблем села, крестьяне оставались равнодушными к действующей власти, которая ими молчаливо признавалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 529.

2. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 595.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 27. Д. 1208–1214; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р–17. Оп. 60. Д. 509.

4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. р-81. Оп. 1. Д. 24; Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 515.

5. ГАСО. Ф. Р–81. Оп. 1. Д. 629.

6. Директивы ЦК ВКП(б) по вопросам просвещения. Народный Комиссариат просвещения РСФСР. М., 1930.

7. Известия Самарского губкома РКП(б). 1921. № 13.

8. *Козлова Н. Н.* Выход из крестьянства: поле желания и жизненные выборы // Российская повседневность. 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. 150 с.

9. *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996.

10. *Медведев В. К.* Решающий этап колхозного строительства в Нижне-Волжском крае (1929–1931 гг.) // Из истории Великой Октябрьской революции и социалистического строительства. Саратов., 1958. 324 с.

11. Новая деревня. Пенза. 1924. 4 ноября. (№ 75).

12. Обновлённая деревня. Л., 1925. 124 с.

13. *Росницкий Н. Л.* Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М. – Л.: Гос. издательство. 1926. 126 с.

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 468, 470, 472, 473, 477; Новая деревня. Пенза. 1924. 4 ноября. (№ 75). Новая деревня. Пенза. 1926. 5 сентября. (№ 66).

15. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 470.

16. XIII Самарский губернский съезд Советов. 25–26 марта. 1926. Стенографический отчёт. Самара. 1926.

17. СОГАСПИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 427.

18. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 515.

19. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 515.

20. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 515.

21. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 762.

22. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1620.

23. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1620.

24. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2709.

25. *Файнбург З. И.* Не сотвори себе кумира… М., 1991. 184 с.

26. Центр документации новейшей истории Ульяновской области (ЦДНИУО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 277.

27. ЦДНИУО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606.